

Ветер подскажет имя

Автор:

Юлия Климова

Ветер подскажет имя

Юлия Владимировна Климова

Глеб Трофимов #2

Когда Катя Щербакова получает приглашение на закрытый аукцион, жизнь ее полностью меняется. Сделав всего один шаг к неизвестности, девушка позволила таинственному прошлому выйти из тени, и теперь придется быть очень внимательной, чтобы не перепутать: где друг, а где враг. И еще Катя не знает, что с этого дня ответственность за ее счастье будет нести далеко не самый лучший мужчина на свете.

Юлия Владимировна Климова

Ветер подскажет имя

Неприкрытая постоянством, не утратившая огня,

Шла Любовь босиком по пятнам и обрывкам чужого сна.

Но не липли к ногам болезни, пыль дорог не смела взлететь,

Шла Любовь, и склоняли колени те, чьи взгляды дарили смерть.

Мир боялся вздохнуть, шелохнуться, а секунды стучали в такт.

«Обернись! Позволь мне проснуться! Дай мне право и дай мне знак!

Я уже никогда не обижу, я не струшу и не предам.

Я дождем поползу по крышам, жизнь за слово твое отдам!

Обернись! Возьми мою душу...»

Птицы пели, и трава пробивалась там, где след светил на песке.

«Я – Любовь. Я – Великая Малость, я навеки теперь в тебе...»

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Климова Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Пролог

Давным-давно...

Жизнь в Москве и Петербурге была куда интереснее местных зловонных болот, раздолбанных глинистых дорог, сбора урожая с последующей продажей пшеницы, споров с приказчиком и вынужденных чаепитий с соседями. Павел не был готов расстаться с именем матери, но и не испытывал никакого удовольствия от сельской жизни, пропитанной стойкими ароматами коровника.

Раньше этим богатством заведовал старший брат, но полгода назад Алексея дернула нелегкая отправиться в путешествие, где он подцепил неизвестную желудочную болезнь и довольно быстро сгорел, прометавшись в беспамятстве чуть больше недели. Павел пил с перерывами полтора месяца, а затем, вспомнив далекое предсмертное благословение матери, собрался и приехал в Семеновское выполнять свой долг. Долг имел весьма обширные территории и сложное хозяйство.

Павел Андреевич Воронцов – младший сын покойного графа Андрея Григорьевича Воронцова, последние пять лет в основном блистал в Петербурге. Шумные друзья, прекрасные женщины, никаких обязательств, скачки, премьеры... Что может быть лучше? Павла вполне устраивали те необременительные дела в городе, которые требовались для управления отцовским наследством. Повезло, старшего брата, наоборот, интересовала земля и все, что с нею связано. Но теперь весна, конец лета и осень точно придется проводить здесь. «Не стоит доверять хозяйство кому бы то ни было, пока сам не научишься доить коров», – любил говаривать Алексей, и, если учесть, что имение процветало долгие годы, он был прав.

Зима затягивалась, конец февраля выдался на редкость снежным, что сбивало по срокам планы Павла. Определенные договоренности по продаже леса ждали лучшей погоды, и это несколько выбивало из колеи. Но нынче март, и пора бы уже солнцу заявить о своих правах и наконец-то согреть Семеновское.

Оставив лошадь около древнего дуба, сразу за поворотом, он немного прошелся по дороге и углубился в сосны, желая посмотреть, насколько растаял снег за последние десять дней. Если поля уже начали освобождаться от белых одеяний, то в лесных чащах ситуация оставляла желать лучшего.

Вернувшись на дорогу, Павел распахнул полушубок и так стоял с минуту, давая возможность холоду пробраться к телу. Отлично. Упрямыство зимы пошло на спад.

Со стороны дальнего поля двигался экипаж, а желания вступать в светскую беседу сейчас не было. Павел направился к лошади, заранее зная, что пролетка все же нагонит его, и хорошо, если не придется разговаривать с какой-нибудь напудренной мамашей, мечтающей поскорее выдать замуж одну из своих дочерей. На него уже давно объявлена охота: знатные семейства почти ежедневно зовут на бесконечные обеды и ужины. У Павла в зависимости от

настроения подобные приглашения вызывали либо едкую усмешку, либо колючую злость. Как можно желать такого зятя, как он? Да, обеспечен, к тому же граф, но вряд ли он способен даровать хоть кому-нибудь счастье и постоянство. «Я готов переспать с вашей очаровательной дочерью, и даже два раза, но на большее не рассчитывайте».

Зная все минусы сельской жизни (слухи здесь разлетались быстро), Павел держался подальше от юных красавиц из почтенных семей. Его вполне устраивали сельские девушки, да и не так много времени было на развлечения. В январе Павел позволил себе короткий роман с молодой вдовой Елизаветой Ковальской, но холод и капризы быстро наскучили. Он без сожаления бросил ее, получив напоследок типичный женский скандал и вдохновенный шепот сплетниц за спиной. «Радуйтесь, курицы, – весело думал он тогда, – вам будет о чем поговорить холодными зимними вечерами».

Пролетка чуть обогнала и резко притормозила, отбросив в стороны комья грязи, облепленные коричневой кашей снега. Вороная дернулась, фыркнула и замерла, не смея перечить хозяину ни одним движением. На месте извозчика сидел Яков Петрович Стрыгин, лицо его отражало недовольство, впрочем, подобное настроение было ему свойственно.

– Я слышал, Павел Андреевич, вы хотите сбить цену на лес... Не советую вам этого делать, – вместо приветствия произнес Стрыгин и выпрямился, демонстрируя мощь своей внушительной фигуры. – Я лесом торгую уже десять лет и не позволю, чтобы кто-то вмешивался в мои дела.

– Поезжайте с богом, у каждого своя дорога, – ледяным тоном ответил Павел, бросив короткий взгляд на девушку, сидевшую за спиной Стрыгина. Обыкновенная. Бледная. Наверняка боится отца до смерти. Собственно, правильно делает, однажды он ее сожрет и не подавится: или продаст замуж подороже, или превратит в пожизненную прислугу, или отправит в монастырь, если надоест и не оправдает надежд на перспективный брак. А она не оправдает. Простенькая, без лоска и шика, глаза, пожалуй, красивые, и смотрит внимательно, точно книгу читает. Не пустышка, наверное, но тем хуже для нее.

– Последнее слово будет за мной! – рявкнул Стрыгин, хлестнул вороную и понесся вперед, не слишком беспокоясь о том, как трясет сзади его дочь.

Павел скривил губы, тихо произнес: «Посмотрим», и продолжил путь к лошади. Встреча не оставила следа в душе, в делах он всегда поступал так, как считал нужным, и чужие проблемы ничуть не волновали. Но, кажется, он где-то встречал эту девчонку, сейчас ее темно-русые волосы были собраны на затылке, а тогда распущены по плечам... Нет, не встречал. А если и было, то в какой-то другой жизни, о которой помнить не обязательно и глупо. Вскочив на лошадь, Павел уже через минуту обогнал пролетку Стрыгина, но, размышляя уже о другом, он не удостоил экипаж даже мимолетным взглядом.

Глава 1

Пару дней назад мозг, душу и, возможно, печень победил коньяк. Глеб сутки провалялся в номере, а потом выполз на улицу с устойчивым желанием посетить первую попавшуюся японскую забегаловку и опрокинуть в себя острый том-ям.

«Желательно сразу две порции. Креветки-и, креветулечки-и-и...»

Настроение балансировало между «да гори оно все огнем» и «а жизнь-то налаживается», и совершенно не хотелось думать о том, что свобода имеет четкий временной предел. Почему-то никогда не получается насладиться ею сполна, вот еще бы денек или два...

До лета оставалось меньше недели, и Глеб потратил уйму денег на дорогую качественную одежду. Он понятия не имел, где оседают его шмотки. Некоторые вещи, конечно, кочевали вместе с ним с небес на землю и обратно, но большая часть обычно оставалась забытой и брошенной то в отеле, то на какой-нибудь квартире, то в баре. По городам и селам гораздо приятнее гулять налегке.

– Деньги – это же пыль, верно? – насмешливо произнес Глеб, дырявя взглядом вытянутые перистые облака.

Злоупотребив в кинотеатре попкорном, он выпил две бутылки минералки и почувствовал острую потребность в физических нагрузках, да таких, чтоб спина взмокла и со лба пот капал. «Нет, и не уговаривайте, не уговаривайте, –

мысленно протянул Глеб с усмешкой, потирая заросшую щеку. – Тренажерный зал мне совершенно не нужен, есть и другие способы хорошенько попотеть. – Его взгляд остановился на аккуратной груди стильной брюнетки, доедающей мороженое на летней веранде кондитерской, и улыбка стала тоньше и многозначительнее. – Да, я знаю один приятный способ расслабиться и одновременно получить неплохую физическую нагрузку...»

Глебу нравилось слоняться по улицам Москвы, заводить короткие необременительные знакомства, искушать, соблазнять и испытывать чувство глубокого удовлетворения от каждого вдоха и выдоха. Иногда, правда, не хватало остроты ощущений, но всегда же можно самостоятельно повысить уровень адреналина в крови (было бы желание и свободное время, а уж и того, и другого хватало с избытком).

Размышляя над тем, где бы провести вечер, Глеб свернул к первой попавшейся кафешке и заказал двойной американо с шоколадным эклером. Пирожное тянуло на слабенькую тройку, без вмешательства силы воли его и разжевать-то не получилось: сухое тесто, настойчивые привкусы маргарина и дешевого какао, каменная глазурь с белесым восковым налетом.

– Дрянная кухня.

Недовольно поморщившись, Глеб вытянул ноги, почесал затылок и обвел взглядом небольшой плотно заставленный круглыми столиками зал, и беззлобно, с легкой иронией подумал: «Да что ж вы, сволочи, эклеры губите... Какую хрень вы в них пихаете, а?»

Отодвинув тарелку, Глеб сделал большой глоток кофе и лениво посмотрел на стойку с прессой: газеты, журналы и наверняка полно всякого рекламного хлама... Около весьма скромного винного шкафа, уткнувшись в мобильник, сидела «юная Ассоль» в синей толстовке и потертых джинсах, левее неторопливо доедал салат маловыразительный мужчина лет сорока, задумчивая блондинка смотрела в окно, ожидая заказ, тощий парень большими глотками пил чай и с явным аппетитом ел... шоколадный эклер. Не может быть.

«Тебе его черной икрой обмазали, что ли?»

Несколько секунд Глеб следил за действиями паренька, а затем, усмехнувшись, отвернулся и с сомнением посмотрел на старомодную потрепанную папку меню. Нет, рисковать с обедом не стоило, лучше отправиться в более подходящее место, где любая закуска – это праздник вкуса, а телятина сравнима с песней и является гордостью шеф-повара. А еще не помешал бы бокальчик незаурядного красного...

Представляя на белоснежной тарелке отличный кусок мяса с прожаркой медиум, Глеб мысленно отрезал небольшой кусок, повертел его на вилке и задумался над тем, а какой соус порадовал бы сейчас особенно. Но мечты, пропитанные свежемолотым черным перцем и ароматами трав, задрожали и предательски оборвались, оставив после себя раздражительный привкус недосказанности. «Здрате, приехали... – протянул Глеб, чувствуя нарастающее тепло в ногах, мгновенно распространяющееся по всему телу. – Можно подумать, я оказываю сопротивление. Да, между прочим, я спокоен и бледен, как ангел в предрассветный час, так что могли бы обойтись и без спецэффектов...»

Тихо засмеявшись, Глеб расслабил мышцы, нарочно демонстрируя полнейшую покорность судьбе. Но в груди уже поднималась волна протеста: интуиция подсказывала, что следующая задачка будет не из привычных, а точно такая же, как в Утятину[1 - Об этом можно прочитать в романе Ю.Климовой «В ее сердце акварель»]. Его же не вызывают спешно наверх, не инструктируют и не желают удачи на дальнюю дорожку. Если задание повторится, то впереди как минимум десять дней позора...

«Нет».

Однако надежда на избавление все же заерзала в душе, отчего медленно, но верно адреналин пополз вверх, азарт дернулся под ребрами и затянул с хрипотцой: «Еще не вечер, еще не вечер...»

Поддаваясь тяжести в затылке, Глеб против воли повернул голову и вновь посмотрел на парня, еще пару минут назад поглощавшего с аппетитом шоколадный эклер. Молодой человек протянул руку, взял салфетку, вытер губы, глянул на часы и положил деньги в папку-счет. Поднявшись, он подхватил рюкзак и уверенно зашагал к выходу, будто несколько секунд назад вспомнил о том, что он самый занятой человек на свете. По сути – ничего примечательного,

банальная сцена из рядовой жизни, но...

Парень.

Не девушка.

«Уже хорошо. Ну и кто ты у нас?» Глеб мысленно прикинул, хватит ли у него наличных, чтобы расплатиться быстро, и принял решение занять пока выжидательную позицию. Рановато предъявлять претензии, вдруг обойдется...

Неторопливо вынув из кармана пару сотен, он небрежно бросил их на стол и, продолжая надеяться на лучшее («Больше никакой гребаной романтики»), качнулся на стуле, демонстрируя наивысшую степень равнодушия и спокойствия. Собственно, далее можно не шевелиться, сейчас до боли «родная» сила поставит его на ноги и придаст ускорения в нужную сторону. Последние секунды отдыха и покоя.

– Ладно, посмотрим, что вы мне приготовили, – тихо с улыбкой произнес Глеб, глядя, как за парнем медленно закрывается стеклянная дверь. – Мы же всегда сможем договориться, правда?

Ответом был легкий толчок в спину и напряжение в коленях, будто уже пробежал километр и теперь нужно немного пройтись, давая возможность уставшим мышцам расслабиться. Глеб резко встал, подарил лучезарный взгляд молоденькой официантке и, направляемый невидимой силой, быстрым шагом устремился следом за парнем. Сейчас даже нравилось плыть по течению. Да, наворотил немного дел, но искупил же, так давайте вернемся к старым добрым отношениям: на планете Земля наверняка найдутся доблестно-рискованные подвиги для первоклассного охотника. Что там у паренька в рюкзаке? Священная реликвия? Один точный удар по макушке и...

– Шучу, шучу, – весело произнес Глеб и почувствовал, что к нему вернулся контроль над телом, а вместе с ним и легкость в душе.

Парень шагал довольно уверенно, его явно не интересовал общественный транспорт. Видимо, цель близка и оставалось пройти не так уж и много, чтобы достичь желаемого. Новый Арбат, Поварская улица... Свернув во дворы, оставив позади свежеекрашенное здание школы, парень достал из кармана мобильник,

остановился, понажимал кнопки и, обнаружив необходимую информацию, пошел к подъезду жилого дома.

«Похоже, любитель мертвых шоколадных эклеров – обыкновенный курьер», – мысленно предположил Глеб и ускорился, гадая, какая преграда ждет впереди: кодовый замок или консьержка. При первом варианте всегда меньше возни, неодушевленные предметы послушно отдают истории своего прошлого или дарят нужные ощущения, на основе которых не сложно сделать правильные выводы. Люди же... Вообще-то тоже не проблема, но на них приходится тратить гораздо больше особой силы, что, конечно, бесспорный минус. Жди потом, когда восстановится. Небесная канцелярия четко ограничивает способности своих сотрудников, чтобы некоторые из них не пускались во все тяжкие и не слишком-то вмешивались в земную жизнь.

Усмехнувшись, Глеб спокойно зашел в подъезд (дверь за любителем эклеров закрывалась медленно, тут бы и слон успел) и, притормозив около лифта, сделал вид, будто нажимает кнопку вызова. Цепкий взгляд прицельно метнулся в сторону парня, стараясь не пропустить ничего важного и интересного.

«Давай, порадуй меня чем-нибудь хорошим. Меньше всего мне хочется таскаться за тобой целый день».

Молния рюкзака издала резкое и долгожданное «вжик», интуиция кольнула в носу, Глеб замер, уже догадываясь, что увидит в следующую секунду. Вынырнув из темных недр, белый узкий конверт очертил полукруглую траекторию и бесшумно отправился в один из почтовых ящиков. Парень подхватил рюкзак и с чувством выполненного долга под скрип дверной пружины покинул подъезд. Кодовый замок оказался сломан, не пришлось даже кнопку нажимать.

– Курьер, что и требовалось доказать.

Третий ящик справа. Глеб, оттягивая момент истины, медленно спустился по лестнице, качнулся на пятках, провел пятерней по волосам, протянул руку, сунул пальцы в узкую щель и резко дернул на себя дверцу ящика. Старенькая дверца хрипнула, расшатанный замок сделал одну достойную попытку сопротивления и все же сдался, отдавая желаемое врагу.

«Щербаковой Екатерине Алексеевне» – значилось на конверте, и Глеб, сжав зубы, со всей силы врезал кулаком по почтовым ящикам – бамц!

– Какого черта! – рявкнул он, зная, что за последнее слово получит сполна. И долго ждать не пришлось: бок обожгла предупредительная боль и мгновенно пересохло во рту. Глеб попытался втянуть в легкие побольше воздуха, сморщился, сделал короткий шаг и врезал по ящикам второй раз. Надежда рухнула, теперь можно дать волю чувствам, хуже уже не будет. – А не хотите ли поговорить о старой доброй справедливости? На чем там у нас держится мир? На любви и доброте к ближнему? Да, признаю, накосячил самую малость, но за это уже отпахал! – Глеб стоял, задрал голову, и ждал ответа, будто он и вправду мог появиться на старом пожелтевшем и потрескавшемся потолке подъезда, но ничто не нарушило тишину. Злость предательски пошла на спад, а хотелось, чтобы она, наоборот, росла и крепла, подбрасывая дрова в огонь. – Сколько их будет? – сухо спросил Глеб, бросая резкий взгляд в сторону лифта. Нет, показалось, никто не едет. – Так сколько их будет?

Он знал, что случайности теперь исключены и чутье или действие определенной силы всегда укажет нужный путь.

Лифт.

Не показалось.

Глеб быстро поднялся по ступенькам, и взгляд сразу остановился на серой полоске с нумерацией этажей. Та цифра, которая призывно горела, и являлась ответом на его животрепещущий вопрос.

– Пять? Что? Пять?! Нет... Слышите? Я сказал – нет. Пусть две. Ладно, пусть две. Но не больше! И я даже готов починить этот гребаный почтовый ящик, но только две! – Глеб подождал немного, неотрывно глядя на неизменно светящуюся цифру, затем издал протяжный стон и быстро добавил: – Но мы еще поговорим об этом, да? Позже поговорим!

Сдержав порыв смять конверт, он положил его на ладонь, сосредоточился и закрыл глаза, стараясь мысленно проникнуть под плотную бумагу, чтобы не увидеть, а скорее прочувствовать написанное. Задача оказалась не из сложных, письмо «чистое», без каких-либо помех, наложения событий, времени,

лишних вибраций и слов – ничто не мешает узнать содержание всего нескольких строк.

«Похоже, Екатерина Алексеевна, я знаю, где мы с тобой завтра встретимся. Пожалуйста, надень короткую юбку, это меня немного утешит. Надеюсь, ноги у тебя не кривые, не осложняй мою жизнь».

Отправив конверт обратно в почтовый ящик, Глеб немного выровнял дверцу, кое-как прикрыл ее и вышел на улицу.

Пять... Как такое возможно?

– Что-то не пойму, вы вроде должны регулировать справедливость на этой земле. А где в данном случае ваша хваленая многовековая справедливость, а? – зло спросил Глеб, глядя на облака. – Потерялась в многочисленных бумагах и папках? Так поищите, время есть. Целая вечность!

* * *

В конце статьи напрашивалось троеточие, но Катя сделала последний абзац решительным, жизнеутверждающим, стойким и короновала его уверенной точкой. Наверное, на нее сейчас влияло приближающееся лето: хотелось вострепнуться, встряхнуться и отправиться в дальнейшее путешествие, где шум прибоя растеребит душу, ветер перемешает мысли, улыбка перестанет быть вежливой и обязательно сбудется какая-нибудь тайная мечта. А уж мечтать Катя всегда умела и любила, особенно уютно устроившись на диване с чашкой кофе, книгой и пледом. Много лет назад она сбежала из Питера в Москву и сейчас уже не смогла бы вспомнить, что тогда больше подтолкнуло к переменам: несчастная любовь или желание начать самостоятельную жизнь. Скорее всего, и то и другое.

Трехкомнатная квартира на Поварской улице досталась от дедушки и бабушки. Катя часто прилетала и приезжала к ним в гости и всегда радовалась нарочито ворчливому, но бесконечно доброму приветствию: «Явилась не запылилась. Мои руки, бабка наша уже вся извелась, третий раз картошку разогревает». «Ой, не

ври, ой, не ври, – неслось нараспев с кухни в ответ, – у меня все просчитано до минуты. Позволь напомнить, что я сорок пять лет прожила с юристом, а это, знаешь ли, даром не проходит».

По мужской линии с давних пор в семье все так или иначе имели отношение к правоведческим и юридическим наукам. И Катю, за неимением другого претендента продолжить семейную традицию, родители тоже благословляли на этот проторенный путь, но она любила точки, запятые, троеточия и однажды окончательно и бесповоротно поставила в этом вопросе восклицательный знак. Сразу за уверенным «нет».

После смерти мужа бабушка – Капитолина Андреевна, прожила лишь два года, тоска и горе слишком сильно сжали ее немолодое сердце. Иногда, заваривая чай, Катя слышала далекое: «Не ленись, добавь мяты и лимона, аромат будет божественный», в такие моменты она чуть опускала голову, улыбалась с долей грусти и запрещала себе лениться.

– Пора домой, – выключив ноутбук, быстро прибравшись на столе, Катя подхватила с вешалки вязаный кардиган, взяла сумку, попрощалась традиционным «Всем пока!» и покинула редакцию. Нужно заскочить в магазин, купить молоко, мюсли с изюмом и лесными орехами, немного овощей, сыр и маслины. Не забыть бы пену для ванны, крем для рук и... «Пожалуй, маленький пакетик фруктового мармелада». Хотя поход в магазин можно перенести и на завтра, кажется, в холодильнике есть чем поживиться.

Катя не была привязана к офису, она могла работать и дома, причем сколько пожелает, но ей нравилось погружаться в разноцветную суету редакции и плыть к изведанным и новым берегам. Потрескивание принтеров, редко цветущие орхидеи на подоконниках, стопки журналов и газет, обсуждение, смех, вкусные обеды в столовой на первом этаже, аромат кофе практически везде... Ради этого стоило каждое утро спускаться в метро, заходить в вагон и ехать на «Алексеевскую». А вечерний путь домой почти всегда хотелось немного растянуть, будто до конца дня еще куча времени, гуляй сколько хочешь. Катя то застревала в кинотеатре, то в книжном, то в кофейне, где продавали свежесдобленную выпечку и ароматный черносмородиновый чай. Маленькие столики для желающих быстро перекусить и вечная надпись мелом на черной доске: «Еще один вкусный день».

Родители остались в Питере, несколько раз в год Катя устремлялась к ним, накупив гору подарков. Праздники, конечно, только вместе. Около лифта ее традиционно встречал аромат медово-яблочного кекса, а уж затем теплая улыбка мамы и сдержанная отца. Скучание на два города, но так получилось и иначе уже не представлялось возможным.

А еще в Питере остался осколок разбившейся вдребезги любви, длившейся три непростых года и закончившейся сухим: «Извини, я встретил другую». Честно, и то хорошо, могло быть хуже. Сейчас Катя не понимала, отчего так страдала, то есть чуть-чуть, самую малость, больно и теперь, но тогда казалось, будто сердце обложили хорошо высушенными дровами и подожгли. Как же ярко и губительно оно горело, как неистово билось и просило пощады... Нет, любовь больше не нужна. Зачем? Может, через сто лет, если закроют любимую кофейню с миндальными круассанами и черносмородиновым чаем или государство введет катастрофический налог на одиночество. Катя улыбнулась, открыла дверь подъезда, прошла мимо почтовых ящиков, привычным движением убрала волосы от лица и, угадывая в душе пока еще непонятное предчувствие, остановилась. Голова медленно повернулась влево – именно там, за спиной, осталось нечто важное и пока незамеченное. Стена, трещина... Взгляд почти сразу выхватил помятую, покосившуюся дверцу почтового ящика, которая будто говорила: «Я тут совершенно ни при чем. Висела, никого не трогала, но... Помогите, спасите, теперь меня нужно чинить!»

«И кто это сделал? – Катя поправила ремешок сумки, устало вздохнула и пошла обратно. – Я не храню здесь деньги, ценные бумаги, карты с указанием, где зарыты сокровища древности, драгоценности... Так зачем? Делать кому-то нечего...»

Осмотрев причиненный ущерб, она немного приподняла дверцу и легко, без особых усилий и ключа, открыла ее. Увы, завтра придется звонить в диспетчерскую и просить исправить акт вандализма. Интересно, сколько это будет стоить?

Катя заглянула в ящик, достала узкий конверт, повертела его в руках и небрежно отправила в сумку. Конверт без почтовых отметок, наверное, очередная реклама пластиковых окон или ремонтных услуг.

«Дорогие жильцы, у вас не бывает такого ощущения, будто реклама размножается в темноте, пока мы спим? Последнее время я думаю именно так. Представляю, какой шорох стоит в подъездах в полночь, когда флаеры, брошюры и визитки оживают и устремляются друг к другу со всех сторон...»

Прикрыв дверцу, Катя поднялась по ступенькам, нажала кнопку лифта и позволила себе второй вздох. День не должен заканчиваться на огорчительной ноте, пожалуй, нужно утешить себя вкусным ужином и, быть может, бокалом вина. Зеленый салат с брынзой и курица вполне подойдут. А самый простой и быстрый способ приготовления куриной грудки – это обмазать ее дижонской горчицей, той, что с семенами-зернышками, и пожарить на растительном масле. Соль не нужна. Раз, два, три, и ты начинаешь чувствовать себя немножко шеф-поваром, потому что без усилий получаешь вкусное и оригинальное блюдо.

Прогоняя мысли о сломанном почтовом ящике прочь, Катя специально углубилась в процесс приготовления ужина и, уже перешагивая порог квартиры, почти не чувствовала огорчения. Бабушка всегда говорила: «А ты не раскисай, подумай, судьба выкинула фортель! Руки, ноги, голова есть? Вот и пользуйся». В таких случаях Катя в основном пользовалась головой и литературным талантом. Сбежать в вымышленный, но весьма стойкий мир очень просто, если ты в минуту можешь выстроить его именно таким, как требуется. Вплоть до мельчайших подробностей, до тактильных ощущений и запахов, до шорохов, скрипов и отдаленных, но настойчиво зовущих мелодий.

О письме Катя вспомнила после ужина, когда села за ноутбук проверить почту.

– Ах, да, – тихо произнесла она, подхватила чашку с кофе и направилась в коридор, делая по пути несколько маленьких глотков.

Конверт оказался довольно плотным, в подъезде Катя не обратила на это внимания. «Что там?» Она вынула глянцевую карточку бежевого цвета с витиеватым узором в правом нижнем углу и быстро пробежалась взглядом по ровным строчкам.

«Аукционный дом „Ампир“ и галерея „Витроль“ приглашают Вас на закрытый аукцион.

Лоты: карманные мужские часы из коллекций Демаре и Леграна.

Ведущий аукциона – Марк Гутман.

Приглашение на одно лицо. Пятый зал, место №28».

Дата. Время. Адрес.

Если бы не имя Марка Гутмана, Катя бы выбросила приглашение сразу: слишком много хитрой рекламы развелось в последнее время. Но этот человек был хорошо известен в определенных кругах, и, конечно, никогда бы не согласился провести дешевое или сомнительное мероприятие. Звездная болезнь давно держала его за руку и не отпускала.

Катя знала о Гутмане предостаточно и, в отличие от многих, не испытывала к нему симпатии. Высокий, склонный к полноте, холеный мужчина лет пятидесяти. Он то говорил быстро, будто боялся, что его остановят, то слишком медленно, давая возможность присутствующим оценить его ум и в нужном месте разразиться овациями. Лет двадцать назад Гутман был посредственным актером, потом увлекся журналистикой, а уж затем его потянуло в мир моды и искусства. Несколько удачных шуток, представительная внешность, умение расположить к себе собеседника, нужные связи... Марка Гутмана довольно часто стали приглашать на различные мероприятия и в качестве гостя, высказывающего свое мнение, и как ведущего. Его фотографии несколько раз мелькали на страницах журнала, в редакции которого работала Катя.

Закрытый аукцион.

Но почему пригласили?

Быть может, на одной из недавних презентаций она оставила визитку?..

Наверняка оставила, только какое отношение имеют к ней карманные мужские часы из коллекций Демаре и Леграна? Подобного редакторского задания не было, да и чаще приходится писать в разделы «Стиль жизни» и «Культура», о коллекционерах же, ювелирных изделиях, ретроисториях, антиквариате сочиняют другие.

Закрытый аукцион.

Да на него и не попадешь так просто! А тут приглашение...

Вернувшись к ноутбуку, Катя зашла на сайт галереи «Витроль» и убедилась в том, что аукцион состоится завтра, как и указано на карточке, и ведущим действительно будет Марк Гутман.

«В феврале вышла моя статья о международной денежной ярмарке в Берлине, а в марте я подготовила неплохой очерк о редких австралийских опалах... Но все же это не поводы приглашать меня в круг избранных. Надеюсь, организаторы не думают, что я смогу купить коллекционные мужские часы на свою зарплату. И не просто купить, а хорошенько поторговаться и вырвать желаемый артефакт из рук скучающего миллионера и тем самым создать интригу и поддержать аукционную суету».

Улыбнувшись, Катя небрежно отправила приглашение в верхний ящик стола, сварила кофе в турке и сделала попытку немного поработать, но мысли все тянулись и тянулись в галерею «Витроль»...

Скорее всего, это ошибка.

Но почему бы не воспользоваться и не посмотреть, как проходят подобные аукционы, какая собирается публика, идут ли бои за лоты или действие напоминает скучную игру уставших зрителей? И, кстати, об этом можно написать статью и предложить ее для печати... Катя представила, как Горин поправляет очки, смотрит на нее минуту (длиною в жизнь) и многозначительно произносит: «Екатерина Алексеевна, мы с вами договаривались, что в первую очередь вы будете выполнять свою непосредственную работу, а уж потом... – Откинувшись на спинку начальственного кресла, он побарабанит пальцами по столу и добавит гораздо легче и проще: – Мне сейчас некогда, давай поговорим об этом в другой раз, и, если не трудно, принеси кофе».

Выдвинув ящик, Катя протянула руку и коснулась приглашения кончиками пальцев. Глянцевая поверхность мгновенно подарила прохладу, но по руке

почему-то волной побежало тепло. В душе вспыхнуло любопытство и что-то еще неуловимое...

– Я поеду, – прошептала Катя, перечеркивая оставшиеся сомнения.

Глава 2

Пять женщин...

Глеб расхаживал по гостиничному номеру как зверь в клетке, дымил сигаретой и то смотрел на часы, то в окно, то бросал весьма выразительные взгляды на потолок. «Хорошо устроились... Вы там, значит, бумажки перебирать будете, а я тут гибнуть на передовой? Предлагаю – три. Это же отличная цифра, не находите? А если учесть, что одну красавицу я уже пристроил в хорошие руки, то остается не так уж и много. Екатерина Алексеевна Щербакова. Ладно. Пусть. Потом еще какая-нибудь Марья Ивановна, и все. Точка!»

Он резко сел в кресло, положил ногу на ногу и скрестил руки на груди. Но ответа традиционно не последовало, Глеб не имел права диктовать условия или торговаться. Вернее, попробовать мог, но еще ни разу подобные разговоры не закончились в его пользу. Собственно, они всегда заканчивались самой обыкновенной тишиной.

Просидев неподвижно около трех минут, Глеб медленно поднялся, достал из холодильника пиво, открыл бутылку, сделал два больших глотка и театрально-торжественно произнес:

– Дамы и господа, леди и джентльмены, перед вами лучший Амур всех времен и народов. А что это значит? – Он усмехнулся и прищурился, точно уже начал искать, в кого бы прицелиться отточенной стрелой. – А это значит, что хотите вы того или нет, но однажды я постучусь в вашу унылую дверь, чтобы сделать вашу жизнь... Ну, скажем, невыносимо прекрасной. Вы готовы стать счастливыми? Нет? А кого это волнует? Уж точно не меня. – Стукнув бутылкой по столу, Глеб сунул руки в карманы спортивных брюк, поднял голову и спросил: – Многоуважаемая Небесная канцелярия, я сейчас все правильно объяснил?

Замечаний и поправок не будет? Отлично... – Глеб помолчал немного, раскачиваясь на пятках, затем вразвалочку направился обратно к креслу. – Ладно, будь по-вашему, но потом я получу свободу. И не какую-то жалкую – на неделю, а нормальную! Слышите?! Хотя бы на месяц. – Он улыбнулся и произнес тихо, растягивая слова: – Катя Щербакова... Катя... Хорошее имя, между прочим.

У Глеба была своя Катюшка, но эта история насчитывала больше десяти лет.

Когда-то он довольно весело жил, ни в чем себя не ущемлял, в темное время суток частенько бодрствовал, а днем отсыпался. Ночные клубы имеют свойство затягивать в свои сети, а легкие деньги дарят те удовольствия, к которым быстро привыкаешь и от которых потом и не думаешь отказываться. Алкоголь, женщины, «бравые» приятели – все краски лихой жизни. Кто-то, проходя мимо, хлопнет по плечу, мол, как дела, пойдем посидим, выпьем, а кого-то зацепишь взглядом ты: «Эй, давай сюда! Мы тут нормально сидим, присоединяйся!» Необременительная дружба без обязательств, начинающаяся и заканчивающаяся почти всегда или за барной стойкой, или за карточным столом. Но однажды на твою обманчиво пеструю жизнь по непонятной причине проливается свет, и нежное, трогательное создание каждый вечер, засыпая, с мольбою начинает шептать: «Господи, сбереги его, не меня». И вроде не заслужил, а все равно шепчет. Откуда взялась такая?..

С Катюшкой Бероевой Глеб познакомился в любимом ночном клубе. Странная картина: среди прыгающих пятен цветомузыки и сигаретного дыма – хрупкая девушка в инвалидной коляске. Легкое белое платье, летние рукава-крылышки, светлые волнистые волосы и большие голубые глаза. «Люди добрые, да что ж это делается. Ангелы шляются по ночным забегаловкам!» – с иронией тогда подумал Глеб. А она влюбилась в него, вот в такого, и никто не смог бы ей запретить мечтать о невозможном счастье. «Как вас зовут? Вы уходите? Спешите? Жаль...» – в ее голосе не было кокетства или игры. Инвалид, семнадцать лет, негде ей было грязи нахвататься. Катюшка... Она уговорила отца пригласить Глеба на работу в их дом. «Обидишь ее... убью», – предупредил Бероев и устранился, не мешая дочери общаться с тем, с кем она считала нужным. Он знал, ей остались считанные дни, так чего уж теперь...

Катюшка не умела скрывать чувств, и Глебу нравилось ее поддевать: выполнит обязанности няньки и уезжает туда, где много красивых женщин, а коньяк и виски льются рекой. «Я скоро умру, – произнесла она однажды. – Ты только папе не говори, что мне это известно, а то он расстроится. Хочешь, скажу правду? Я

много думаю о тебе... И знаешь, о чем я теперь прошу Небеса? Я говорю так: „Господи, сбереги его, не меня“. Глеб, ты неправильно живешь, а я не хочу, чтобы ты потом мучился».

Ангелы, они такие. Не за себя молятся.

Как же Глебу нравилось дразнить Катюшку, смешить, заглядывать в ее голубые глаза и читать в них так много... Но она умерла, и в черно-серой жизни не осталось ничего хорошего. Будто ему дали шанс понять, прочувствовать, попробовать, как может быть, если заслужить и пойти другой дорогой. «Господи, сбереги его, не меня». Глеб тогда не знал, что Катюшка этими простыми словами, произнесенными много раз тихо и искренне, действительно спасала его.

Полгода он мотался по разным городам, работал на звезд шоу-бизнеса, устраивал рекламную шумиху, когда требовалось – прикрывал вверенных ему певичек, традиционно пил и гулял, получая привычные удовольствия. Но теперь тянуло на подвиги, чтоб адреналин зашкаливал, мысли путались, и воспоминания не давили на душу и совесть. «Да пошли вы все...» – Глеб все чаще произносил эту фразу и неся дальше. Туда, куда влекло течение беспутной жизни.

Вернувшись в Москву, он первым делом направился в ночной клуб. Почему бы не отдохнуть со старыми добрыми приятелями, наверняка соскучились, да и есть о чем рассказать, наколесил по стране немало. Вот там-то Глеб в пылу беседы и поспорил с тощим скрягой Павлом Демченко, что выпьет полбутылки водки и бодро пройдет по краю крыши. Четвертый этаж, это ж не пятнадцатый, лететь недолго. Алкоголь так часто дарует ощущение бессмертия...

Глеб прошел не много: нога подвернулась, картинка задрожала, сердце дрогнуло, и он устремился вниз, где холодный асфальт терпеливо ждал свою жертву. Смерть была глупой, быстрой и безболезненной, а затем: долгая, тягучая темнота, ватная невесомость, пот по спине ручьем, притупившиеся чувства, слабость во всем теле...

Куда? Зачем? С возрастающей скоростью Глеба тащило вперед, в черноту, туда, откуда веяло гарью и смрадом, с каждой секундой воздух становился горячее, и можно было не сомневаться: главное пекло уже близко, буквально рукой подать.

Но невидимая дорога оборвалась, Глеба развернуло и потянуло в другую сторону. Тошнотворные запахи остались далеко позади, короткая вспышка на мгновение ослепила, ноги коснулись пола, и удушающее одиночество подкатило к горлу. Невозможно чувствовать себя спокойно после такого путешествия, да еще в голове настойчивый молоточек: «Я умер? Я умер? Здесь кто-нибудь есть?..»

Да, умер.

Упал с крыши.

Раз – и все.

Навсегда.

Оказавшись в большом белоснежном помещении, рядом со столом, за которым сидел мужчина в белом костюме и белой рубашке, Глеб не мог отыскать в душе уверенность. Не каждый день приходится прощаться с жизнью и отправляться на тот свет. Шершавый страх полз по спине, а интуиция подсказывала, что он здесь такой один... «простой смертный». Самое время задавать вопросы и получать на них ответы.

Незнакомец занимался бумажной работой и не обращал внимания на гостя. Или... делал вид, что не обращает.

«- Где я?

- В Небесной канцелярии.

- И что я здесь делаю?

- Стоите, мнетесь, любопытствуете и мешаете мне работать».

Глеб угадывал иронию в каждом слове, но лицо незнакомца не выражало никаких эмоций. Как же хотелось перечеркнуть непонятную реальность,

изменить настоящее и опять оказаться в клубе с друзьями-приятелями. Уж он бы теперь не полез на крышу, да и, возможно, пересмотрел бы количество потребляемого спиртного на ближайшую неделю.

«- Объясните, что происходит? Я все же скончался, и мне нужна срочная психологическая помощь. Как тут у вас с милосердием, а?»

- Не стоит повышать голос. Все просто. Вы, как бесспорный грешник, должны были попасть в ад, но за вас просила добрая и чистая душа, мы не можем ей отказать.

- Какая душа?

- Добрая и чистая. У нас долг перед этой душой, поэтому мы вынуждены выполнить просьбу».

Катюшка... Значит, не зря она молилась и верила, что спасет. Маленький ангел с большими голубыми глазами, крошка, победившая в игре «Кто сильнее?». Глеб бы многое отдал, чтобы увидеть ее хотя бы раз, но перед грешниками двери рая не открываются.

«- Отлично, в ад мне нельзя, в рай не пускают. И где я должен торчать, по-вашему?»

Сначала ответом была тишина, а затем незнакомец протянул Глебу обыкновенную анкету и спокойно произнес: «Добро пожаловать в Небесную канцелярию».

На Земле, как оказалось, предостаточно дел для «бессмертных охотников». А если постараться и выполнить задание на пять с плюсом, то можно получить заслуженный отдых с весомой порцией свободы.

Теперь Глеб мотался по городам и селам, чему был несказанно рад (хорошо хоть за бумажную работу не посадили, есть ли что-то хуже этого?), и за десять лет

вполне привык к новой жизни. То где-то гибли в огне исторические архивы, то любители легкой наживы намеревались обчистить церковь, то археологи взялись за раскопки не там, где нужно, то тайное могло стать явным намного раньше положенного срока... Для решения поставленных задач Глеб получал определенный объем «волшебной» силы, которую не следовало транжирить направо и налево (восполнялась-то она медленно), и это здорово помогало в некоторых ситуациях. И все шло бы отлично, но что делать с горячо любимыми вредными привычками, наглостью, цинизмом и, главное, со скукой? Глеб и не собирался становиться другим, наоборот, в тот день, когда он впервые поступил на службу, и начались его особые отношения с Небесной канцелярией. Душа требовала хотя бы иллюзию свободы, не отказывать же ей в такой малости. «Ладно уж, пойду спасу мир в сто первый раз. А вы тут ждите меня, скоро вернусь».

Иногда Глеб пускался во все тяжкие и явно перебарщивал. Поутру, выползая из своей белоснежной комнаты с чугуновой от похмелья головой, он разводил руками, улыбался, наливал воду в большой стакан, говорил: «У меня был тяжелый день, надеюсь на понимание, сочувствие и поддержку», – и вразвалочку удалялся к себе, отсыпаться. Но чуть больше двух недель назад Глеб переборщил: не стоило тащить в Канцелярию бутылку виски и, размахивая руками, с трудом удерживая равновесие, петь и отбивать чечетку на белом столе. Потом даже не получилось вспомнить: рухнул ли он в пылу ритма со стола на пол или ему помогли слезть... Очнулся Глеб в лесу, и чуть позже ему дали понять, что терпение лопнуло и за содеянное придется отвечать. Нет, он больше не первоклассный охотник за артефактами, не спаситель пыльных библиотек, не добытчик и не ловец, у него появились новые обязанности, цели и задачи: он должен помогать одиноким женщинам в поисках любви. То есть теперь он... «Долбаный Амур!»

Глеб надеялся, что речь идет только об одной девушке и, смирившись с неизбежным, отправился в Утятينو, где помог Лесе Сотниковой стать счастливой. «Практически сказочного принца ей подогнал, не мешало бы и поблагодарить меня за это». Но оказывается, это была лишь малая доля наказания... Пять женщин. Пять!

– Катя Щербакова, – повторил Глеб, вспоминая поломанный почтовый ящик и узкий белый конверт. «Аукционный дом „Ампир“ и галерея „Витроль“ приглашают Вас на закрытый аукцион...» – Значит, свидимся завтра.

Та сила, которую Глеб получал на выполнение какого-либо задания, позволяла многое. Например, прочувствовать предметы и извлечь информацию об их прошлом или настоящем, если, конечно, ничего не мешает сосредоточиться и пробраться под слои времени. Частенько получалось управлять людьми, исключения составляли слишком сильные, умные, независимые личности. Бывало, Глеб чувствовал запрет Небесной канцелярии: «На судьбу не влиять», такого человека он и не трогал.

– Станешь ли ты меня слушаться, Катя? Сомневаюсь... Наверняка тоже окажешься крепким орешком...

Скорее всего, завтра включится внутренний навигатор, и Глеб всегда будет знать, где приблизительно находится его новая подопечная. Это удобно, особенно в большом городе, но дома, стены, замки и двери не позволят подобраться к Екатерине Щербаковой близко...

– Может, по-быстренькому сменить пол с мужского на женский и стать ее лучшей подружкой? – усмехнулся Глеб, почесывая небритую щеку. – Ладно уж, не волнуйтесь, я на такие подвиги категорически не способен.

* * *

Давным-давно...

Платоновы имели обширные связи в торговой среде, и Павел нехотя принял приглашение на торжественный ужин, посвященный шестидесятипятилетию главы семьи. Буженина под луком, соленая и копченая рыба, запеченная утка, рулеты из индейки на гречневой каше, телятина с черносливом и изюмом, пироги и кулебяки, всевозможные закуски занимали большую часть стола и являлись гордостью Марьи Ильиничны Платоновой.

– Кушайте, милости просим, – мягко улыбаясь, говорила она и поглядывала на разомлевшего от клюквенной настойки мужа. – Василий Семенович буквально требовал подать ровно то, что готовила его матушка, никаких новшеств не жалуется.

Но присутствующие ели скромно, их куда больше интересовали разговоры и предстоящие танцы, чем еда. Огромный дом Платоновых, раскинувшийся крестом неподалеку от церкви и речки, позволял принимать много гостей и устраивать те увеселения, которые были угодны хозяевам. Наблюдая за размеренным ходом вечера, Павел не мог не вспоминать званые ужины в Петербурге, где присутствовала легкость и интрига, где он получал столько удовольствий... В том числе и от устриц.

– Я все гадаю, когда у тебя закончится терпение и ты уедешь отсюда, – усмехнулся Гришка, осторожно разглядывая юную блондинку в бледно-розовом платье с атласным поясом и полупрозрачными цветами на груди.

– Не раньше июля, – ответил Павел и лениво проследил за взглядом приятеля. – Вечно тебя тянет на тощих.

– И я поеду. Отец обещал отпустить хотя бы на месяц, а если он узнает, что я с тобой, то и вовсе возражать не станет.

– Нашел твой родитель, кому доверять.

– Да, он тебя уважает и мне в пример всегда ставит. – Гришка улыбнулся и сморщил острый нос. Ему очень хотелось походить на Павла, но добродушный характер и простота никак не позволяли развиться уверенности в себе, холодности и цинизму. – Смотри, Стрыгин приехал, сейчас напьется и прицепится к кому-нибудь, дела у него вроде с осени пошли хуже, поговаривают, всю зиму злой как собака проходил.

Нехотя обернувшись, Павел увидел нового гостя и презрительно скривил губы.

– Похоже, наши с ним дорожки пересекутся на торговле лесом.

– Как бы не было у тебя проблем, – ответил Гришка.

– Я сам кому хочешь проблемы устрою. Это дочка его?

– Нет, падчерица – Александра Образцова. Приятная, да? Стрыгин ее от себя ни на шаг не отпускает, поговаривают, что мать ей оставила большое наследство,

вот только Александра может получить его лишь после замужества. Наверное, мать боялась, что иначе Стрыгин все отберет, да и хотела, чтобы дочка сама себе мужа выбирала. Деньги-то позволяют.

– Ее мать давно умерла?

– Года три уж. Подозреваю, Яков Петрович несчастную и извел. Я слышал, что прошлой весной он собак на своего работника спустил, а кто ему что сделает? Боятся, да и куплены все у него.

Павла не слишком интересовала персона Стрыгина, а вот Александра опять привлекла внимание. Просто одетая, худенькая, маленькая, она стояла рядом с широкоплечим громоподобным отчимом и, коротко улыбаясь, скромно отвечала на приветствия. Вокруг нее точно существовала невидимая стена, которую хотелось не только разрушить, но и растоптать. Павел не смог бы объяснить почему. Вероятно, от того, что эта стена была сильнее его и защищала Александру? «А я предпочитаю беззащитных».

– Сколько ей лет?

– Если не ошибаюсь, семнадцать. – Гришка уже терял интерес к Стрыгину, и, как назло, предмет его наблюдений – незнакомая худенькая блондинка – куда-то исчезла.

Мысленно Павел вернулся к встрече около поля, Александра тогда ехала домой в пролетке, и то смутное ускользящее ощущение давней встречи вновь обожгло сердце. Наклон головы, глубокий взгляд, тонкие руки, волосы по плечам и резкое солнце, от которого хочется отмахнуться...

«Вспомнил. Года четыре назад я навещал брата... начало лета... нескладная девчонка плела венки у реки...»

Он тогда забавы ради решил ее напугать: проплыл под водой и резко вынырнул близко к берегу. А она не испугалась, положила венок на край мостка, сказала: «Это вам», сверкнула зелеными глазами и убежала, оставив после себя невидимое облако пыльцы одуванчиков.

Павел широко улыбнулся, посмотрел на скучающего Гришку и, предчувствуя охоту, смешанную с удовольствием, уверенно произнес:

- Я хочу ее.

- Кого?

- Александру Образцову.

- Сдурел? Зачем она тебе нужна?

- Точно сказать не могу, - насмешливая улыбка скользнула по тонким губам Павла, - но меня это явно развлечет.

- Ты жениться, что ли, собрался? - на всякий случай уточнил Гришка.

- Нет, это, конечно, не для меня.

- Тогда как?

- Сейчас ты задал один из самых глупых вопросов.

- Пашка, жизнь ей испортишь, и не сомневайся.

- Выйдет потом замуж, как все.

- Не связывайся со Стрыгиным, помяни мое слово, плохо дело закончится! - У Гришки от волнения на лбу выступил пот и покраснелись щеки.

Павел еще раз посмотрел на Александру, скользнул взглядом по ее аккуратной фигуре и тихо, но твердо произнес:

- Плевать на все.

Еще утром Катя внимательно изучила сайт галереи «Витроль». Задержавшись на странице с фотографиями интерьера, она сделала первую попытку уловить атмосферу и подобрать одежду для аукциона. К счастью, залы не слепили золотом и хрусталем, по углам не стояли античные скульптуры и мраморные львы, не устремлялись вверх к потолку зеркала в тяжелых узорчатых рамах. Да, помещения большие, наверняка по ним любит гулять эхо, и обстановка, конечно, говорит о том, что галерея не из рядовых, но оформление сдержанное, в серо-бежевых тонах, и общая аура спокойная и приятная.

Сначала Катя выбрала длинную черную юбку и белую блузку с широкими рукавами и кружевными манжетами. С одной стороны, строго, с другой, есть определенный романтизм и претензия на душевную свободу. А свободы там явно будет не хватать, вряд ли получится чувствовать себя комфортно среди желающих купить коллекционные мужские часы.

«Я буду тайным агентом, подглядывающим и подслушивающим... – Катя коротко улыбнулась и прошлась задумчивым взглядом по вешалкам. – Доверьте мне свои маленькие и большие секреты, я никому о них не скажу... Возможно».

Хорошее настроение и немного шаловливый настрой торопили время и заставляли фантазировать. Вдруг у нее что-нибудь спросят...

Какими судьбами?

Что бы хотели приобрести?

«Понимаете... Я не знаю, почему я здесь, и меньше всего на свете меня интересуют часы, – мысленно отвечала Катя и пожимала плечами. – Но мне очень интересно, что и как произойдет. Не волнуйтесь, я не стану мешать, лишь посижу тихонько на своем двадцать восьмом месте, а потом уйду, растворюсь в воздухе».

С одеждой она окончательно определилась к трем часам: все же платье. Светло-серое, по фигуре, не длинное и не короткое – чуть ниже колен. Несмотря на плотность, ткань дарила уют, элегантность и простота радовали глаз в

отражении. Если захочется, то всегда можно слиться с окружающей средой, а если душа потребует решительный шаг вперед, то ничто не помешает сделать это.

С волосами Катя мудрить не стала. Каре заканчивалось чуть ниже подбородка, вариантов для укладки предостаточно, но лучше просто расчесать, немного взбить и с одной стороны убрать пряди за ухо. Идеальность в образе бывает скучна и часто добавляет возраст, Катя любила небрежность – легкую, почти неуловимую. Собственно, о возрасте ей можно и не беспокоиться, благодаря природной худобе, обаятельной улыбке, красоте выразительных серых глаз, ухоженности Катя выглядела гораздо младше своих двадцати девяти лет.

К вечеру похолодало, но не хотелось брать плащ, и эту проблему Катя решила иначе – вызвала такси. Удобно устроившись на заднем сиденье, она смотрела в окно, размышляла над тем, зачем ей все же прислали приглашение, и гадала, удастся написать интересную статью или нет. Не про весомые лоты и различные ценности, представленные в «Витроле», а про людей: как они ведут себя, как приглядывают друг за другом, ловят движения, взгляды, как бьются за желаемую добычу и как расстраиваются, если проиграли.

Дверь галереи – высокая, тяжелая – открылась и закрылась бесшумно, что совсем не подходило тому впечатлению, которое она производила. Катя ожидала услышать скрип и скрежет и даже почувствовала разочарование от того, что ее предчувствие не подтвердилось.

«Куда идти? Где пятый зал?»

Сайт не обманул, увиденное точно совпало с фотографиями: специально состаренная серая доска пола, светлые бежевые стены, редкие черные акценты, картины, стеклянные этажерки на высоких ножках, то слишком яркое, то приглушенное освещение, большие окна... Посетителей совсем мало, и эхо действительно скачет от стены к стене, от пола к потолку: шаги звучные, голоса одновременно приглушенные и яркие.

Третий зал... четвертый... А вот и пятый.

– Добрый день. Ваше приглашение? – бархатным голосом попросил высокий светловолосый мужчина в черном костюме.

– Одну минутку.

Вынув из сумочки конверт, Катя протянула приглашение и замерла, ожидая ответа. Последний рубеж, преодолев который, она получит возможность тайно понаблюдать за чужими страстями.

– Пожалуйста, проходите, – мужчина кивнул и открыл дверь.

* * *

Глеб почувствовал ее, но не стал оборачиваться сразу, давая возможность обжигающему любопытству пробежаться по позвонкам и накалить нетерпение до предела. Еще секунда, еще одна, вот сейчас... Мышцы напряглись, голова медленно повернулась влево, улыбка скользнула по губам, глаза прищурились в попытке сразу выхватить из картинки «жертву» – Екатерину Щербакову.

«Что ж, спасибо, очень даже неплохо... Но буду честен, экземпляр на твердую пятерку не тянет. Это я о том, что грудь маловата. – Глеб усмехнулся и огляделся, будто выбирал, к какой подойти картине, затем сделал несколько шагов к яркому натюрморту и остановился, сунув руку в карман. – Метр семьдесят, пожалуй, есть... Притягательная, я бы даже сказал, нездешняя... В хорошем смысле этого слова. И слишком худая, на мой вкус. Возраст, возраст... – пропел он, гадая. – Та-а-ак... Давно перевалило за двадцать, но тридцатника еще нет. Двадцать пять? Двадцать семь? Да, приблизительно так. Хорошо, что не восемнадцать, хотя... Еще неизвестно, с кем больше возни. Ну, самое время подвести итог: счастью быть, и есть шансы уложиться в рекордно короткие сроки. Осталось только принца дожидаться, но, как показывает практика, этого добра поблизости всегда хватает. Даже лишние остаются».

К великому сожалению Глеба, он не мог заставить двух людей полюбить друг друга (по-быстренькому), а это значительно бы ускорило дело: тая-ляп – и готово, живите и радуйтесь. Любовь всегда игнорирует любые приказы и живет лишь по собственным законам, в этом Глеб лишний раз убедился в Утятину. Концентрируй внимание, формулируй фразу, оттачивай стрелу сколько хочешь,

прицеливайся... Бесполезно. Максимум, на что можно рассчитывать, – на симпатию, но сколько она продлится? Вряд ли долго, искусственные чувства претендовать на вечность не могут. Исключено.

«Скорее всего, ты мне тоже не подчинишься, – подумал Глеб, останавливая взгляд на макушке Кати. Чуть помедлив, он ровно и четко без каких-либо эмоций добавил: – Подними правую руку и коснись щеки».

– Что и требовалось доказать, – тихо произнес Глеб, наблюдая за тем, как Катя открывает сумочку и достает конверт с приглашением. «И откуда же вы все такие пуленепробиваемые беретесь, а?»

Перед Катей распахнулась дверь, она вошла в зал и скрылась из виду, Глеб провел пятерней по волосам и вразвалочку направился вдоль стены, увешанной картинами. Кривая дорога и покосившийся забор, река, дерево и лодка, осенняя листва, скамейка и одинокая ворона... Глеб относился к живописи с прохладным равнодушием и меньше всего любил как раз пейзажи, но ему нужно было немного подождать и только затем пойти следом. Пусть усядется, устроится, увлечется аукционом.

«Кстати, почему ее пригласили? Может, назначена встреча? Кем она работает и где?.. Ничего, Катя-Катерина, скоро познакомимся поближе, и я узнаю все твои секреты. Они же у тебя есть, правда?»

Глеб приблизился к двери пятого зала и остановился, ожидая вопроса.

– Добрый день. Ваше приглашение?

– Честно говоря, забыл его дома, но, думаю, вы меня пропустите и так. Я, знаете ли, давно мечтаю прикупить знатные часы, да все некогда. – Глеб коротко улыбнулся, в его глазах полыхнул огонь. Той самой особой силы стало чуть меньше. – Сейчас я пройду, – тихо добавил он. – А ты будешь стоять и молчать. Все просто.

Мужчина в черном костюме еле заметно вздрогнул и, мгновенно потеряв интерес к стоящему напротив гостю, отвернулся. Глеб дернул изогнутую ручку

двери на себя и зашел в зал. А вот теперь на сцену должны выйти уверенность и наглость, иначе не получится устроиться рядом с Екатериной Щербаковой, и что-то важное наверняка останется незамеченным. А сейчас, по сути, важно все. Да уж, порадуют любые подробности.

«Ну что, малышка, начнем игру?»

Глеб подошел к скучавшему в углу стулу, подхватил его и решительно зашагал к сцене, перед которой полукругом в несколько рядов стояли широкие кресла с низкими спинками.

Катя сидела в предпоследнем ряду ближе к краю, и это было очень удобно: не придется пробираться вглубь, все пройдет тихо, без привлечения чьего бы то ни было внимания.

«Кажется, мне следует поторопиться, – хмыкнул Глеб, заметив, что Катя разговаривает с двумя мужчинами. – Один справа, другой слева... Картина маслом! А я, пожалуй, скромно пристроюсь сзади, не против? Жди, уже иду».

Он хохотнул и ускорил шаг.

* * *

Пятый зал кардинально отличался от остальных: нет предметов искусства и старины, с небольшим подъемом сцена, темно-коричневая трибуна с двумя аккуратными микрофонами, широкий белый экран по центру противоположной стены, ряды мягких бордовых кресел. До начала аукциона оставалось полчаса, еще не все приглашенные собрались, и шум голосов пока не нарушал тишину.

Подойдя ближе к сцене, Катя попыталась отыскать свое место, но оказалось, что нумерация имеет странную логику: последовательность шла не по горизонтали, а скакала в шахматном порядке, а на некоторых креслах была указана не только цифра, но и буква. Создавалось впечатление, что расстановкой занимался или чудаковатый администратор, или слишком уж творческая личность. Катя, улавливая в душе ноты волнения и удовольствия, предпочла второй вариант.

Происходящее нравилось, интрига захватывала, веселье щекотало нос, и приходилось сдерживать постоянную улыбку.

«Чувствую себя сказочной принцессой, заблудившейся в лесу».

Наконец, добравшись до двадцать шестого места, Катя вздохнула с облегчением, но предположительно на ее двадцать восьмом сидел молодой мужчина. Белая рубашка с расстегнутой верхней пуговицей, черные брюки и начищенные до блеска ботинки. Почему-то сначала Катя оценила именно одежду, а лишь потом посмотрела на лицо и встретила спокойный вопросительный взгляд:

– Вы хотите пройти?

Мужчина встал, и Катя сразу увидела цифру на спинке кресла.

– Извините, кажется, это мое место...

Протянув приглашение в качестве доказательства, она чуть подняла голову и вновь заглянула в зеленые глаза незнакомца и не обнаружила в них ни удивления, ни раздражения. Он смотрел так, будто перед ним на травинке качалась бабочка, которая от резкого движения могла упорхнуть в любую секунду. Кате понравились и открытое лицо, и короткие волосы цвета горького шоколада, и ямочка на правой щеке. Внешность приятная, располагающая и при этом мужественная.

– Виноват, признаюсь. – Мужчина улыбнулся и указал на кресло. – Пожалуйста, присаживайтесь.

– Спасибо, – улыбнувшись в ответ, Катя заняла свое место.

В душе отчего-то остался настойчивый след недосказанности, разговор хотелось продолжить, но подходящие слова сразу не нашлись. Мужчина сел рядом, и это стало приятным моментом: он ошибся совсем немного, было бы жаль, если б он ушел.

- Честно говоря, я занял ваше место не по ошибке.

- А почему?

- Мы запоздало сообразили, что хотим попасть на аукцион, остались только эти места. Вам не кажется, что здесь очень странная нумерация? Первый раз встречаю такое.

- Согласна. - Катя кивнула и автоматически повернула голову вправо. Если она правильно поняла, именно с этой стороны сидел тот, с кем пришел ее собеседник. Вообще-то, она легко может уступить место, ей точно не важно, с какого кресла наблюдать за ходом аукциона. Особенно если учесть, что она здесь случайный гость и совсем уж не ценитель мужских часов, да и не поклонница Марка Гутмана.

Вторым соседом тоже был мужчина, но солиднее, старше, явно более сдержанный и, кажется, чем-то недовольный. На это намекали сжатые губы и глубокая морщина между тяжелыми бровями. Катя опустила взгляд на руки и отметила, что они явно сильные и... жесткие. Интересно, так ли это?

- Добрый вечер, - произнес он.

- Добрый вечер, - ответила Катя, испытывая определенную неловкость.

- Давайте знакомиться, - с долей легкости предложил первый сосед и сразу представился: - Андрей Кравцов. А это мой начальник - Федор Дмитриевич...

- Не обязательно так официально. Федор.

- Очень приятно, я - Катя. Катя Щербакова. Может, вы все же сядете вместе? Вам наверняка будет что обсудить, а мне не важно...

- О, нет, - перебил Андрей. - Мы не станем причинять вам неудобство.

- Какое неудобство? По сути - это ерунда...

Катя сделала попытку встать, но рука Федора Дмитриевича легла на ее локоть осторожно и предупредительно.

- Прошу вас, оставьте все как есть. Не лишайте одного из нас возможности сидеть рядом с вами. Аукцион обещает быть скучным. Гутман наверняка сделает его еще и бесконечным, так что луч света в этом банальном темном царстве нам не помешает. Как видите, я эгоистичен в своей учтивости.

- Вы не планируете что-либо покупать? – спросила Катя.

- Нет, – категорично ответил Федор Дмитриевич.

- Тогда почему вы здесь? Извините, я, наверное, проявляю слишком много любопытства...

- Все просто. – Андрей сел более свободно и без интереса посмотрел на сцену. – Визит вежливости, мы пересекались с организаторами ранее и знаем, что для них приятно наше присутствие. А вы какими судьбами?

- Мне прислали приглашение по почте, – честно ответила Катя. – Не знаю почему. Это закрытый аукцион, и я полагала, что на подобных мероприятиях лишних людей не бывает.

- Не называйте себя так, – сухо возразил Федор Дмитриевич. – Всему найдется объяснение. Возможно, вы здесь главный персонаж, без которого не поднимут и не опустят занавес. Как известно, пути Господни неисповедимы.

- О, нет, только не я. – Катя с улыбкой замотала головой, отчего пряди волос запрыгали. – А не могли бы вы мне объяснить, зачем делать аукцион закрытым? Что это дает?

- В данном случае ровным счетом ничего, – с плохо скрываемой иронией ответил Федор Дмитриевич.

- Нагоняют таинственности и дают возможность новичкам клуба аукционного дома «Ампир» почувствовать свою избранность, – пояснил Андрей. – Сегодня не будет уникальных лотов, из-за которых действительно бились бы серьезные

игроки. Поверьте, тогда бы присутствовала совсем иная публика и впереди не маячили бы несколько часов скуки. Катя, а с чем связан род вашей деятельности?

– Я журналист, тружусь в команде «Стиль М».

– Жизнь Москвы с разных ракурсов, так? – уточнил Андрей, наклонив голову набок. – Плюс мировая архитектура, мода, немного о путешествиях и значимых личностях... Я как-то листал этот журнал, очень качественные фотографии, да и глаз цеплялся за пару интересных статей.

– Спасибо, приятно слышать. А чем занимаетесь вы?

– Недвижимость, – коротко ответил Федор Дмитриевич и философски добавил: – А вот и Гутман, что ж, чем раньше он отыграет эту пьесу, тем лучше.

Марк Гутман поднялся на сцену под звуки частых аплодисментов, участники аукциона оживились. Но Кате стало жаль, что он так быстро пришел: душа еще не напиталась впечатлениями, не подкопила нетерпения, да и отчего-то хотелось побольше узнать о работе Андрея. И Федора Дмитриевича тоже. Катя поймала себя на мысли, что с трудом может назвать этого выдержанного человека, который старше ее лет на десять-пятнадцать, по имени-отчеству: застревают слова, не звучат. Но и коротко по имени тоже не слишком комфортно. Осторожно покосившись на Федора Дмитриевича, скользнув взглядом по его гладковыбритой щеке, Катя неожиданно для себя спросила:

– А если бы вы собирались что-то купить на аукционе, вы бились бы до конца? Если предположить, что...

– Да, я бы не уступил. И даже не нужно ничего предполагать. Обычно в таких случаях меня мало интересуют условия.

Катя не знала, как бы закончила вопрос (говорить о деньгах с малознакомыми людьми не слишком удобно и прилично), и была благодарна Федору Дмитриевичу за то, что он ее перебил. «Зачем я спросила? Бьются, пока хватает финансовых возможностей. Хотя нет. Кто-то и при возможностях через некоторое время сходит с дистанции, а кто-то идет до победы из принципа, даже если вещь явно столько не стоит».

– Главное, сейчас не купить что-нибудь от скуки, – усмехнулся Андрей. – Четвертые часы мне уж точно не нужны.

– Дамы и господа, леди и джентльмены, – раздался громкий голос Марка Гутмана, – позвольте поприветствовать вас от себя лично и от аукционного дома «Ампир». Вы уже имели возможность ознакомиться с сегодняшними лотами – весьма авторитетными часами из коллекций Демаре и Леграна, и настало время...

Гутман сильно поправился, теперь его широкая улыбка казалась еще более неестественной, а движения слишком наигранными. Катя отвела от него взгляд и принялась изучать присутствующих, кажется, ожидания не оправдались, ничего интересного на этом мероприятии увидеть не получится. Наверняка приглашение прислали просто так, надо же как-то пристраивать свободные места.

«Нужно меньше раздавать визиток на встречах и презентациях, неизвестно в каком направлении они потом уплывают».

– Планируете написать статью на тему аукционов? – тихо спросил Андрей.

– Собиралась, но теперь не уверена, хватит ли материала на что-то интересное и стоящее.

– Мы уедем приблизительно через час. Уже поздоровались со всеми, с кем собирались. Если хотите, подброшу вас домой, или вы на машине?

– Спасибо, но я все же досижу до конца, быть может, повезет и я стану свидетелем хотя бы небольшой битвы.

На сцене уже начался «спектакль», и Кате, чтобы не мешать окружающим, пришлось придвинуться к Андрею ближе и отвечать шепотом. Она мгновенно уловила древесно-цитрусовые ноты дорогого мужского парфюма и тепло дыхания. Мысль: «Весна почти закончилась, скоро волшебное лето», – вспыхнула, зазвенела и погасла, оставив в душе приятное волнение. Слово

только что кто-то неведомый напомнил, что теперь дни будут наполнены яркими красками, ароматами цветов, поэтическим вдохновением, тайной надеждой, и пообещал особенное безоглядное счастье: без тягучих «если», без холодного «нет», с обязательным трепетным «да».

– Жаль, но, если передумаете, мое предложение остается в силе.

– Спасибо еще раз.

Катя не передумала, наоборот, расслабившись в уютном кресле, через час она уже ничуть не жалела о том, что пришла. Поддерживая неторопливую беседу с Андреем, слушая редкие замечания Федора Дмитриевича, она то оглядывалась по сторонам, то слушала Гутмана, то наблюдала за теми, кто искренне радовался приобретению. Иногда очень полезно выходить из зоны комфорта и знакомиться с новыми людьми: ты становишься чуть-чуть путешественником, чуть-чуть актером и плывешь в неизведанные дали, заранее зная, что конечная остановка скоро. И ты ничего не потеряешь, а, возможно, даже приобретешь, так почему бы и нет?

– Андрей, мы идем? – повернув голову, спросил Федор Дмитриевич. – Я хотел сегодня еще немного поработать и почитать. И от чашки крепкого кофе я бы сейчас не отказался.

– Да, пора. Катя, все же остаетесь? Жаль. Надеюсь, ваша статья не будет разгромной, прошу, пожалейте Гутмана, он привык к обожанию. – В зеленых глазах Андрея запрыгали заразительные искры веселья, немного помолчав, он добавил: – Я рад нашему знакомству.

– Я тоже, – Катя тепло улыбнулась и поднялась, пропуская Федора Дмитриевича. – До свидания, с вами было очень приятно общаться.

Она не стала смотреть им вслед, пусть знакомство останется коротким эпизодом немного странного вечера. Эпизодом, который обязательно вспомнится позже – например, завтра в кофейне за утренней чашкой черносмородинового чая или в понедельник по дороге в редакцию. Слова загремят вагончиками, и в голову начнут приходить совсем другие ответы, более развернутые, рассудительные и неспешные.

«Мне сейчас очень хорошо... непонятно, необъяснимо...»

Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, Катя обернулась, но никто на нее не смотрел. Наверное, показалось.

Глава 4

Давным-давно...

Даже в обществе, на званых приемах и простых чаепитиях, Саша чувствовала одиночество, в какой-то степени оно стало ее другом. Привычная к вспышкам гнева отчима, она закалила характер, хотя часто ощущала себя физически слабой, и это расстраивало. Надо быть сильной. Тем более что будущее не сулит ничего хорошего, Яков Петрович не даст ни одного шанса на счастье. «Ты слишком похожа на мать», – часто обвинительным тоном говорил он, не догадываясь, что слова ласкают слух Саши и волнуют душу. Как жаль, что память не сохранила образ отца, он умер слишком рано, и теперь на шее висит его крестик.

«Кто знает, быть может, вы с небес смотрите на меня и храните...»

Два раза в неделю Саше разрешалось общаться с дочками Алюшиных, и в эти долгожданные часы жизнь оживала вокруг. Потому что вздорная Ольга и смешливая Ирочка знали все новости и с нетерпением готовы были рассказывать и о моде на более высокий каблук, и о новом почтальоне, перепутавшем телеграммы, и о скорой свадьбе Машеньки Поливановой, и об утопленниках, всплывающих под старой ивой по весне, и о симпатичном Грише Салтыкове, попавшем под влияние Павла Андреевича Воронцова. Саша всегда слушала внимательно и редко задавала уточняющие вопросы, их попросту невозможно было вставить в несмолкаемый щебет Ольги и Ирочки.

Про Павла Воронцова последние недели приходилось слышать часто. Отчим, разговаривая с приказчиком, упоминал его имя и почти сразу же осыпал проклятиями. Зная крутой нрав Якова Петровича, Саша даже сочувствовала Воронцову. И, когда произошла случайная встреча на дороге, она с интересом разглядывала Павла. Да, это тот молодой человек, который однажды хотел ее испугать на реке. Но можно ли испугать ребенка, живущего с таким отчимом?

У Платоновых Саша кожей почувствовала на себе обжигающий взгляд Павла. Кругом было много очаровательных, хорошо одетых девушек, но он отчего-то смотрел на нее. Она лишь два раза повернула голову, желая убедиться в своих ощущениях, а затем проследовала за отчимом к столу, где немного поела холодной, тонко нарезанной буженины и поговорила с Машенькой Поливановой и ее матерью. Но мысли о Павле не отпускали некоторое время. Высокий, хорошо сложенный, уверенный молодой мужчина. Пожалуй, Саша охарактеризовала бы его именно так. «Очень красивый, и ямочка на подбородке. Не знаю, можно ли назвать его кудрявым, но волосы слегка вьются... А глаза?! В начале зимы я читала любовный роман, так главного героя представляла именно так!» – неожиданно вспомнилось, как про него рассказывала Ирочка.

Саше не разрешалось принимать участие в танцах, на приглашения она должна была отвечать вежливым отказом. Но ее скромной персоной и не интересовались, грозная фигура отчима всегда маячила рядом, а это не способствовало общению ни с кем.

После чая с яблочным пирогом Саша немного прошлась вдоль окон, поглядывая на потемневший двор, затем остановилась около зеленых бархатных стульев и отыскивала взглядом отчима. Яков Петрович, покрасневший от выпитого вина, похрапывал в кресле в дальнем углу гостиной, ему не мешали ни музыка, ни шум голосов, ни звонкий смех.

«Как хорошо», – подумала Саша, наблюдая, как медленно поднимается и опускается живот отчима, скованный пуговицами темно-синего жилета.

– Нас не представляли друг другу, – раздался справа мужской голос, – я бы хотел забыть про условности и исправить это.

Повернувшись, Саша сразу увидела ямочку на подбородке, а уж потом заглянула в серые глаза Павла. Ее сердце билось ровно, на душе царил покойствие, и

тем приятнее было начать разговор. «Да, он очень высокий, или я маленькая?.. Вернее, и то и другое».

– Александра Образцова, – произнесла она негромко.

– Павел Воронцов. – Он кивнул и сделал небольшой шаг вперед. – Извините, если помешал, но я не смог противиться острому желанию поговорить с вами. А если совсем честно, то я хотел пригласить вас на танец. Вы позволите?

Саша так давно не танцевала, что при этих словах испытала тягучую боль в коленях, точно они умоляли не отказывать, вряд ли в ближайшие месяцы, а то и годы, выпадет еще шанс. Но что будет, если Яков Петрович проснется или узнает позже? Он как-то поднимал на нее руку, запирали надолго в кладовой, оставлял без еды и всегда гневно кричал, унижая и ее, и память о родителях.

– Да, – ответила Саша и первая направилась в смежный зал, где по кругу плавно двигались пары. Заняв последнее место в первом ряду, она протянула вперед руку и сразу почувствовала прикосновение теплых пальцев Павла. Душу захлестнули новые приятные разноцветные чувства, и показалось, что музыка зазвучала ярче и громче.

– Вы редко бываете в гостях, я не встречал вас ранее.

– Да, редко, – согласилась она, не озвучивая причины.

– Жаль, я бы хотел видеть вас чаще.

Саша промолчала в ответ, сменила руку, сделала положенный полукруг и вернулась на исходную позицию. Она встречала раньше Алексея Воронцова, старшего брата Павла, и теперь сравнивала их, отмечая внешнюю схожесть и внутреннее расхождение. Отчего-то в голову полезли сплетни, рассказанные Ирочкой, и Саша торопливо переключила мысли: «Я танцую, как много в этом счастья». Улыбнувшись, она бросила взгляд на Павла и почувствовала в душе искреннюю благодарность за приглашение. И даже если отчим, проснувшись, придет в ярость и разорвет ее на части, никакого сожаления не будет, отказаться – это все равно что лишиться себя воздуха и света.

Павел не проронил больше ни слова. А когда музыка стихла и хозяйка дома пригласила всех попробовать десерт, он проводил Сашу к столу, поклонился и отошел к окну, где продолжил разговор с Гришей Салтыковым.

Ирочка приехала без сестры спустя полчаса, по ее лицу было видно, что значительное опоздание имеет причину, о которой непременно нужно рассказать в самых мельчайших подробностях.

– Можешь ли ты себе представить... – задыхаясь от волнения, начала она. – Мы уже выходили из дома, когда Оля вдруг почувствовала себя дурно и упала в обморок. Десять минут она не приходила в себя, хотя мы обмахивали ее веерами и поливали лоб холодной водой. Конечно, прическа оказалась испорчена... Мама охала, папа ругался и размахивал руками, а я молилась, надеясь, что она не умрет прямо сейчас и мы все же поедem к Платоновым. Но потом Оля открыла глаза, и мы вздохнули с облегчением. Оказалось, она два дня не ела, чтобы выглядеть тоньше, и вот результат: Оля с головокружением лежит в постели с грелкой и рыдает, а я здесь. Немедленно скажи, пропустила ли я что-нибудь интересное?

Самым интересным Саша посчитала танец с Павлом, но говорить об этом не стала.

– Нет, вечер довольно обычный.

– Как же хорошо, как хорошо, – с облегчением выпалила Ирочка и принялась оглядываться по сторонам, отмечая, кто приехал к Платоновым, а кто нет. – Гриша Салтыков... Давно хотела тебе сказать, что он мне определенно нравится.

Саша была вынуждена повернуть голову в его сторону и сразу встретила взгляд Павла. Внутренняя уверенность в том, что он больше не подойдет и не пригласит ее на танец, была, как ни странно, приятна. Он точно понимал ее положение. Впрочем, не удивительно. Кому как не Павлу Андреевичу Воронцову знать, что Якову Петровичу может понравиться, а что нет. И это была не жалкая трусость, а аккуратная здравая предусмотрительность: пригласить можно, если хочется, но расплачиваться потом Саше.

– ...интересно, ему нравятся брюнетки? – продолжала тараторить Ирочка. – Уверена, мама бы одобрила наш брак с Салтыковым. И отчего лет пять назад я

могла запросто назвать его Гришкой, подойти и толкнуть, а теперь он – Григорий, и нужно ждать, когда его величество соизволит посмотреть в мою сторону. Это очень несправедливо.

Когда вечер близился к концу и многие уже засобирались по домам, Павел прошел мимо Саши, чуть сбавив шаг, и спокойно, будто его слова не являлись чем-то недопустимым, произнес:

– Мне нужно поговорить с вами. Завтра поздно вечером я буду в вашем саду, приходите, как сможете.

Саша заснула лишь под утро, ей было о чем подумать. До этого дня никто не позволял себе оказывать ей серьезные знаки внимания, писать письма, назначать тайные или явные свидания. Признавая неопытность, она пыталась отдалиться от случившегося и посмотреть на ситуацию со стороны. Что может быть нужно Павлу Андреевичу Воронцову от нее? От бесправной маленькой птички, каждый взмах крыла которой контролирует отчим. А может, встреча связана именно с Яковом Петровичем? У них схожие хозяйственные дела, а еще торговля...

Эпизоды вечера проносились перед глазами, воспоминание о прикосновении во время танца заставляло сжимать и разжимать пальцы, вопросы начинали требовать правдивых ответов, а голос все повторял и повторял: «Завтра поздно вечером я буду в вашем саду...»

Павел не назвал точное время, а значит, готов ждать долго. Столько, сколько потребуется. На Сашу он произвел впечатление сдержанного, умного, серьезного человека, и ему хотелось доверять. Тяжело жить, когда знаешь, что никто не протянет руку, не поддержит и не защитит.

А если Павел не равнодушен к ее судьбе, да и к ней самой?

Помнится, Ирочка рассказывала о скандале с вдовой Елизаветой Ковальской, но, во-первых, сплетня может оказаться пустой, во-вторых, невозможно понять чужие отношения: кто прав, кто виноват... В-третьих, Павел взрослый мужчина, кажется, ему около двадцати пяти лет и... Саша пыталась сформулировать оправдание, но оно, по сути, сводилось к тому, что жизнь до брака у женщин и мужчин разная и не стоит никого судить, не разобравшись.

Тряхнув головой, Саша прогнала от себя сплетни и сконцентрировалась на принятии решения: идти или нет? Она была уверена, что сможет осторожно пробраться в сад и остаться невидимой для Якова Петровича, но сам поступок волновал, душа отзывалась дрожью на мысль о том, что предстоит остаться наедине с Павлом Воронцовым. Под покровом ночи.

Ответ пришел к обеду, когда Саша прошла мимо большого зеркала, украшавшего стену гостиной, и, взглянув на отражение, остановилась. В ней многое изменилось за первую половину дня, и почему-то это не вызвало удивления. Кожа стала еще бледнее, губы, наоборот, алели, глаза то тускнели, то поблескивали, подбородок заострился. Пришлось согласиться с тем, что она заболела, и у этой пока непонятной болезни есть имя. Павел.

Если в подобном положении Ирочка придумала бы и саму встречу, и вдохновенные слова, и даже запретные поцелуи, то Саша нуждалась лишь в простом разговоре, и именно его считала для себя нужным и важным. Хотелось по-настоящему узнать Павла, прочувствовать его, понять, чтобы потом ни одна сплетня не коснулась сердца. Его серьезный взгляд давал ощущение защищенности и добавлял силы, а еще... Саша не могла забыть то счастье, которое испытала во время танца.

Яков Петрович обычно ложился спать ближе к одиннадцати. Последнее время его мучили головные боли, и он спасался двумя стопками чего-нибудь крепкого и усыпляющего. Дождавшись двенадцати, Саша надела простое темно-серое платье, поправила прическу и вышла из комнаты. Тишина давала надежду, но не стоило торопиться, в доме жила прислуга, а выйти следовало через кухню. Из комнаты отчима доносился прерывистый храп. Саша быстро миновала кабинет, одну из гостевых спален, голубой и зеленый залы и замерла, прислушиваясь к дому. По-прежнему тихо.

На улице ее встретил легкий ветерок, короткая накидка не слишком защищала от холода, но Саша не замечала этого, ее согревало ожидание встречи.

Яков Петрович не терпел цветы и «бессмысленные кустарники», поблизости располагался только один сад – яблоневый. Деревья, потерявшие на зиму листву, тянулись в несколько рядов и сейчас в темноте выглядели устрашающе. Саша ступила на дорожку и медленно пошла, тихо молясь. Хорошо, что гончие отчима далеко, им не учуять ее дыхания.

- Александра... - раздался голос справа.

Увидев Павла, Саша испытала облегчение. Сдержав порыв быстро подойти к нему и коснуться руки (вот оно - спасительное чувство защищенности), она огляделась и спросила:

- А где ваша лошадь?

- Там, - он махнул рукой, указывая направление, - мы можем прогуляться к ней.

Саша внимательно посмотрела на Павла, будто пыталась убедиться в том, что это тот же человек, который назначил встречу на вечер у Платоновых. Глаза привыкли к темноте, но света все же не хватало. «Волосы вьются, а кудрявыми их назвать нельзя», - будто продолжая разговор с Ирочкой, подумала Саша.

- Вы давно здесь? - спросила она.

- Поверьте, это не важно.

Ответ сразу перечеркнул часть предполагаемых тем для предстоящего разговора: хозяйство Якова Петровича, да и сам отчим растворились в ночи без следа. Теплая улыбка Павла предназначалась ей: как, оказывается, быстро и просто может измениться жизнь. Измениться в лучшую сторону.

- Я бы не хотела далеко отходить от дома. Надеюсь, вы понимаете меня.

- Да, конечно. Я ни в коем случае не желал бы причинить вам неудобства или доставить проблемы.

- Спасибо.

- За что?

- За эти слова.

Павел улыбнулся, и Саше понравилось, как изменилось его лицо. Именно таким беззаботным, веселым оно было на речке, когда она сидела на мостке и плела венки из одуванчиков.

– А помните, я вас напугал однажды, – будто прочитал ее мысли Павел. – Вы были младше...

– Да, я плела венки, а вы бессовестно проплыли под водой и...

– Сейчас мне стыдно, поверьте, стыдно. Надеюсь, вы не слишком...

– Испугалась? – продолжила Саша, ответно улыбаясь. – Нет, ни капельки. Я тогда думала о чем-то хорошем, и, пожалуй, это отвлекло и спасло меня.

Они замолчали. Ветер, воспользовавшись паузой, зашумел ветвями яблонь, взметнулся вверх, а затем опустился вниз и исчез. Выбившаяся из прически прядь скользнула по лицу Саши, пришлось убрать волосы за ухо, чтобы не мешали.

«Должна ли я спросить, о чем он хотел поговорить со мной? Стало бы легче, если бы он объяснил. Почему, почему я кажусь такой маленькой и несерьезной рядом с ним...»

Павел неожиданно шагнул вперед, коснулся ладонью щеки Саши, затем наклонился и быстро обжигаяще поцеловал в губы. Сердце мгновенно сжалось до боли, вспыхнуло и застучало отчаянно и оглушающе громко. Отшатнувшись, Саша прижала руку к груди и попыталась успокоить дыхание, но сделать это сразу не получилось. Губы Павла показались грубыми и жесткими, поцелуй не принес ничего кроме отчаяния, обиды и разочарования. Будто хозяин пришел и заявил права на свою вещь, а именно так теперь Саша себя и чувствовала.

– Зачем?.. – наконец произнесла она и замотала головой. – Зачем?..

– А что вас удивляет, Александра? Разве вы пришли сюда не за этим?

– Нет. Вы хотели поговорить со мной!

– А разве мы не поговорили? – Павел холодно улыбнулся и вновь подошел ближе. – Мы даже вспомнили старые добрые времена. Александра, вы мне очень нравитесь. – Он взял ее за локоть, проигнорировав взгляд сопротивления, и продолжил: – Очень. Поверьте. Имея такого отчима, вы вряд ли...

– Зачем, зачем же так... – в который раз повторила Саша и добавила, делая слабую, бессильную попытку освободить руку: – Я полагала, вы совсем другой человек.

Павел не успел ответить, раздался сухой треск веток, и яростный рык Стрыгина разорвал тишину ночи:

– Кто бы ты ни был, я убью тебя! Стоять, скотина!

Мрак мешал разглядеть наглеца, Яков Петрович не мог определить, кто держит за локоть его падчерицу. И это, похоже, наполняло его широкую грудь еще большим гневом. Размахивая руками, рыча, он приближался, и оставалось меньше минуты, чтобы принять какое-либо решение.

– Выбирайте, – резко сказал Павел. – Или вы уезжаете со мной и получаете защиту, или остаетесь с этим опустившимся животным и вымаливаете у него прощение. Если не ошибаюсь, ваш отчим чертовски пьян.

Нет, выбора не существовало, потому что в яблоневом саду рядом с ней сейчас находились два животных. И если одно убьет сразу, то другое будет долго мучить, лишая ее души.

– Уезжайте, – твердо ответила Саша, хотя во рту пересохло, а к горлу уже подступал ком страха.

– Вы хорошо подумали?

– Прощайте.

– Как хотите.

Павел больше не стал тратить времени на уговоры, развернувшись, он не слишком торопливо направился в противоположную от Стрыгина сторону. Саша услышала, как заржала лошадь, а затем раздался отдаленный топот копыт.

Последний взгляд Павла говорил о том, что он не любит проигрывать и все, что она теперь получит, – заслуженная кара.

* * *

Три дня не прошли даром, теперь благодаря внутреннему навигатору Глеб всегда знал, где можно найти Екатерину Щербакову. «Малышка, я готов благодарить тебя вечно за равнодушие к магазинам и шмоткам, если бы мне пришлось таскаться за тобой по торговым центрам и прятаться за шторками примерочных, я бы...» Цензурные выражения на этом заканчивались.

Устроившись за круглым столиком любимой кофейни, Катя звонила родителям в Питер, и Глеб, попивая поблизости эспрессо, ловил долетающие фразы и небрежно отправлял их на полки памяти. Неизвестно, что и когда пригодится.

Он узнал, где Катя работает, во сколько уходит из дома, когда возвращается. К сожалению, мешали стены, все же следить за городом намного удобнее: поля, леса, ветер... Декорации и слышимость на пять с плюсом. Хотя, у городов свои преимущества – например, легко затеряться в толпе, никто не обратит внимания на неброско одетого бородатого мужчину тридцати девяти лет. Вот он сидит за соседнем столом, подперев щеку кулаком, и с удовольствием слушает, как его подопечная обещает завтра утром зайти к шефу. «Кстати, а какой у нее шеф? Может, сгодится на роль принца на белом коне? Эй, крошка, песок из твоего начальника еще не сыплется?»

Глеб уже понимал, что не просто так его приставили к Кате именно сейчас, бегать по улицам и искать мужа не придется. Схема будет точно такой же, как и в Утятине: подходящий мужчина где-то близко, их судьбы уже пересеклись или пересекутся в самое ближайшее время, нужно только дождаться встречи и чуток помочь...

«А то несчастные сами же не справятся, помощника им подавай! Куда вообще катится мир? Мужики не могут затащить понравившуюся женщину в постель... –

Глеб нарочно осекся, насмешливо улыбнулся и возвел глаза к потолку: – Конечно, я не прав, речь же идет о великой настоящей любви. Прошу прощения, увлекся, погорячился, выдал желаемое за действительное».

Глава 5

В обществе Сергея Юрьевича Горина Катя всегда чувствовала определенную неловкость. Да, он главный редактор, начальство, но дело не только в этом. Когда находишься рядом с высоченной горой и она на тебя внимательно смотрит, то... В голове начинают спотыкаться мысли, дрожь торопливо пересчитывает ребра, и холодок скользит по спине, вызывая острую потребность немедленно выпить горячий кофе. И даже не из желания согреться, а чтобы отвлечься, уткнувшись в любимую чашку.

Но, занимая привычное место на планерках, Катя часто украдкой наблюдала за Гориним. Ей нравилось, как он слушает, говорит, поправляет очки или морщит крючковатый нос. «Только не смотрите на меня, пожалуйста», – с улыбкой думала она, предпочитая роль невидимки.

До пятидесяти Горину оставалось два года, но седина почти не окрасила его виски, морщины появлялись на лбу лишь вместе с недовольством. Благодаря высокому росту, спортивной фигуре, качественной одежде (обычно светлых тонов), ухоженности Сергей Юрьевич выглядел моложе своих лет. Но легкость отсутствовала в его характере. Горин был из тех руководителей, которые четко знают, чего хотят, и не слишком терпеливо относятся к возможным промедлениям. Кате нравилось, что требовательность Горина всегда соседствует со справедливостью, подобная гармония встречается не часто.

– ...и с тебя, Илья, точно такой же масштабный материал, как в феврале, передохнул на музеях и театрах, а теперь давай в бой... Так, далее... Маргарет Кин и «Ее большие глаза» – отлично. Ирина Григорьевна, вы, как всегда, на высоте. Что у нас на культурном фронте?..

Взгляд Горина остановился на вечно витающей в облаках Ольге Воробьевой, и Катя мысленно произнесла ту фразу, которая сейчас непременно прозвучит: «Ой! Я подготовилась, сейчас, сейчас...» Потом зашелестят страницы толстого

ежедневника, и Ольга вдохновенно расскажет о своих планах не только на ближайшую неделю, но, возможно, и на год. Горин редко перебивал Воробьеву, хотя явно ее не слушал. Катя подозревала, что Сергею Юрьевичу хорошо думается о чем-то своем под журчащую речь маленькой рыженькой доброй Ольги.

– Ой! Я сейчас... Одну минуточку... Я же подготовилась!

Улыбнувшись, Катя посмотрела по сторонам и подумала о том, что она любит свою работу, но, пожалуй, сейчас не помешала бы профессиональная встряска: поездка на край света за новыми впечатлениями или исследование тайного подвала какой-нибудь древней библиотеки. Причем второе отчего-то манило больше. Замкнутое пространство, низкий потолок, пыль, свеча, щекочущий нервы страх и возрастающий азарт. «Хотя почему свеча? В наше время обычно дарует свет банальный фонарь. Но, признаться, он все испортит, загадки должны появляться на свет постепенно, иначе они довольно быстро станут полупрозрачными и начнут медленно исчезать...»

– Катя, – раздался голос Горина, – для тебя есть работа.

Вздрогнув от неожиданности, Катя вопросительно приподняла брови и с интересом встретила задумчивый взгляд Сергея Юрьевича. Пожалуй, раньше он так на нее не смотрел. Или было однажды? Когда литературная академия «Город» присудила Кате премию за рассказ о древних развалинах, рассказывающих ветру свою историю и все еще надеющихся на долгую жизнь. Всегда же есть шанс на возрождение, и даже если деревянные балки давно сгнили, а фундамент точат не пойми откуда взявшиеся грунтовые воды.

– Сергей Юрьевич, какая?

– Я бы сказал, особенная. – Горин немного помолчал, будто размышлял, как лучше преподнести суть дела, затем еле заметно усмехнулся и покачал головой. Он явно был доволен, но не хотел показывать этого. – Мелихов решил нарушить молчание, он готов дать интервью. И что самое любопытное, Катя, он хочет, чтобы именно ты приехала к нему и задала вопросы. Вроде знаком с твоими публикациями. Честно говоря, я предлагал ему встретиться и с Поливановым, и с Лией Лисоковской – они у нас матерые акулы пера, но Мелихов настаивает на твоей персоне. Нужно поторопиться, чтобы он не передумал. Останешься после

планерки, проинструктирую тебя.

Катя услышала за спиной шепот: «Ничего себе... Повезло...», – и кивнула в ответ. Про Мелихова она знала немного: коллекционер антиквариата, богат, построил свою империю на покупке и продаже недвижимости, мало с кем общается, а в быту предпочитает роль затворника. Пожалуй, его можно назвать загадочной персоной, и, наверное, определенные круги общества с обжигающим любопытством заглянули бы в замочную скважину его таинственной жизни. Однако коллекционеры никогда не являлись темой Кати, и ее знакомство с миром Мелихова ограничивалось обрывками разговоров в редакции и сухой информацией в каких-либо сводках. Но, безусловно, приятно, когда кто-то совсем незнакомый высоко оценивает твою работу и желает встретиться и рассказать о себе.

«Он лет десять не давал интервью, и не очень понятно, почему решил нарушить молчание. Хотя подобное поведение свойственно таким людям: им то хочется спрятать накопленные сокровища, то, наоборот, продемонстрировать их миру... Будь внимательна, подготовь вопросы, после обеда их обсудим. Статья обещает стать громкой... надо постараться вытянуть из Мелихова как можно больше... Он ждет тебя завтра в десять утра. Желаю удачи. И... я знаю, ты не подведешь».

Выслушав все наставления Горина, Катя торопливо направилась к своему столу, но на полпути притормозила и пошла медленнее. Нужно немного отодвинуть тот момент, когда она отыщет в недрах Интернета фотографию Мелихова и внимательно изучит его внешность. Сейчас душа слишком волнуется, а лучше бы сохранять спокойствие, чтобы черновой план интервью получился весомым и продуманным и не напоминал словесный винегрет.

«Винегрет Горина разочарует». Улыбнувшись мыслям, Катя села за стол, чуть придвинула к себе ноутбук и быстро набрала в строке поиска «коллекционер антиквариата Мелихов».

– Как его зовут? Не помню... – тихо произнесла она и вопросительно приподняла бровь.

Экран моргнул, и пестрые фотографии выстроились в ряд, охотно предлагая цветную и черно-белую правду. Не веря глазам, Катя замерла, а затем медленно передвинула стрелку мыши вправо, выбирая довольно крупный портрет. Щелк – и портрет занял почти весь экран.

Она хорошо помнила этот открытый лоб, тяжелые брови, сосредоточенный и немного едкий взгляд карих глаз, крупный нос, волевой подбородок... И хорошо помнилась аура этого непростого человека – весомая, выразительная и, пожалуй, загадочная. Необременительная встреча: слова, взгляды, движения... Все стало тяжелее, четче, будто вдруг неведомый художник обвел контуры и добавил штрихи. Не тогда, на аукционе, а сейчас Катя сложила все пазлы знакомства и получила пусть пока еще недорисованную картину, но уже рассказывающую о многом.

«Всему найдется объяснение, Катя. Возможно, вы здесь главный персонаж, без которого не поднимут и не опустят занавес. Как известно, пути Господни неисповедимы».

– Неисповедимы, – согласилась Катя и добавила: – Федор Дмитриевич, здравствуйте.

* * *

День и вечер ушли на поиски информации. Ее оказалось не так уж и много: в основном общие слова, хроника участия в выставках, перечень предметов различных коллекций, немного о путешествиях Мелихова, чуть-чуть о его привычках и совсем ничего о семье. Он даже жил не в квартире или собственном доме, а занимал этаж в одном из своих отелей на «Парке культуры». В отеле «Тасман». На некоторых фотографиях рядом с Федором Дмитриевичем Катя видела Андрея, это было приятно и вызывало улыбку. В его взгляде присутствовала легкость, и в глазах читалось: «Не волнуйся, это всего лишь интервью, и ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь».

Времени на подготовку было совсем мало, Горин, конечно, помог, но к таким интервью лучше готовиться за неделю. Как мало она знает о Мелихове, а это огромный минус.

«Эх, дня три бы еще...» Катя распахнула дверцы шкафа и сразу приняла решение надеть простую и удобную одежду. Подойдут брюки из мягкой ткани, удлиненная рубашка... Каблук? Средний. Проведя рукой по вешалкам, Катя замерла, пытаясь вспомнить каждое слово Мелихова, сказанное на аукционе. Если б она тогда знала... Интересно, в какой момент Федор Дмитриевич принял решение довериться именно ей?.. «Я задам ему этот вопрос, если будет подходящий момент».

Поднимаясь по ступенькам отеля «Тасман», Катя еле сдерживала улыбку, приятное волнение и любопытство подталкивали вперед, обещая то самое долгожданное приключение. Особо представляться не пришлось, стройная девушка, одетая парадно (белый верх, темный низ), попросила следовать за ней и сразу направилась к лифту. Катя торопливо изучала обстановку, фокусируя взгляд то на глубоких кожаных креслах, то на огромном аквариуме с нарисованными пучеглазыми рыбами, то на узких ярких витражах, излучающих теплый зеленый свет, то на небольшой галерее маленьких глиняных статуэток, в которых не сразу угадывались фигуры людей, то на люстрах, напоминающих огромные артишоки... Только очень талантливый человек мог соединить все детали интерьера так, чтобы получилась подобная красота – густая, точно карамель, затягивающая в свою почти гипнотическую воронку.

«Безусловно, помогал дизайнер, но последнее слово было за Федором Дмитриевичем», – подумала Катя, собираясь шагнуть в мир загадочного коллекционера.

Мелихов жил на последнем этаже, и, чтобы здесь открылись дверцы лифта, нужно было воспользоваться специальной картой-ключом, что и сделала сопровождающая девушка. Далее следовала стеклянная матовая черно-фиолетовая дверь, которая, как предположила Катя, заблокирована намертво, если Мелихов не встречает гостей. Такого толстого стекла она, пожалуй, никогда не видела. Сколько весит эта конструкция?

– Федор Дмитриевич ожидает вас в кабинете, пожалуйста, пройдите прямо по коридору, затем сверните направо. Вторая дверь, – с вежливой улыбкой произнесла девушка и кивнула, прощаясь. Она не собиралась провожать гостью до нужной двери, и, похоже, ей сказали поступить именно так. Катя не сомневалась, что в этих стенах, как в хорошем театре, все происходит только по воле главного режиссера.

Торопиться не хотелось, наоборот, шаг замедлялся, а взгляд продолжал скользить то вправо, то влево. Уловив в душе подрагивающее беспокойство, Катя даже обрадовалась: оно обострило, усилило чувства. «Значит, здесь он живет... Многокомнатная квартира, занимающая целый этаж... Сколько комнат? Двадцать? Тридцать? Большие, маленькие, темные, светлые...» Но пока получалось только гадать, правда, возможно, всплывет позже, если удастся прогуляться по этажу.

На личной территории Мелихова царил иная атмосфера, более сдержанная и строгая. Ничего лишнего, кругом темное дерево, серые с черными прожилками полы и стандартный белый потолок, никаких побрякушек, вдоль стен – одинокие диваны и кресла, напоминающие огромных сторожевых псов породы английский мастиф. Около кабинета Катя остановилась, вдохнула, выдохнула, автоматически убрала съехавшую на глаза прядь, задалась вопросом: стучаться или нет, и решительно нажала на ручку двери.

– Добрый день, – ровно произнесла она, глядя в спину Федору Дмитриевичу Мелихову. Он стоял около окна, и, к сожалению, увидеть выражение его лица не получилось.

Резко обернувшись, Мелихов быстро посмотрел на настенные часы и ответил спокойно, без тени каких-либо эмоций:

– Добрый день. Вы не опоздали ни на минуту, а я люблю и ценю точность во всем. Прошу, присаживайтесь, – он указал на кресло и, не дожидаясь реакции Кати, устроился за письменным столом. – Как добрались?

– На метро, – просто ответила она, понимая, что дежурный вопрос был о другом. Все в порядке, доехала без происшествий, погода прекрасная... С чего еще принято начинать разговор? Катя попыталась уловить настроение Мелихова и поняла: ничто не тревожит душу этого человека, всего лишь еще одна деловая встреча, вот и все. На пару секунд она даже почувствовала себя пешкой на клетчатом поле чужой игры, но доверяют ли пешкам свои сокровища и тайны известные коллекционеры?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Об этом можно прочитать в романе Ю.Климовой «В ее сердце акварель».

Купить: <https://tellnovel.com/yuliya-klimova/veter-podskazhet-imya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)